

Ольга Алексеева
Татьяна Рубцова

Тайна Каркассона

Татьяна Рубцова
Ольга Алексеева
Тайна Каркассона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30483406

SelfPub; 2018

Аннотация

Средневековые маги и рыцари, красавицы и чудовища, все это ожидает вас на страницах новой книги, написанной в стиле готического романа. Рыцарский турнир и страшная тайна графских покоев увлечет самого ленивого читателя. Подвиги и злоключения молодого виконта никого не оставят равнодушным. А для начала вы узнаете – почему сжигали ведьм.

ТАЙНА КАРКАССОНА.

Начался 13 век. В Иль-де-Франц, наследственном владении Капетингов, в городе Париже правил Филипп II Август. Именно этому государю предстояло присоединить к королевству Французскому немало земель.

Благодаря браку с Изабеллой Геннегауской он получил в приданое провинции Артуа и Фландрию.

Потом этот король присоединил к короне Амьенское графство и Вермандуа.

Когда Филипп II Август выиграл сражения у англичан и императора Оттона IV, это позволило ему присоединить все английские владения, расположенные севернее реки Луары. Дипломатия и меч склоняли перед государем один феодал за другим. Владения Плантагенетов таяли, Франция росла, как славное дитя в колыбели.

По неширокой улице предместья провинциального городка Нарбонны бежал простолудин. Это был толстый малый, одетый в грубую куртку и заплатанные штаны. Он бежал по мостовой, раскинув руки. Волосы его в ужасе стояли дыбом, а лицо перекошилось в жуткой гримасе.

– Крысиный король! – кричал бедняга так, что неустрашимое сердце и то дрогнуло бы. – Крысиный король! Погиб-

ла бедная душа.

С разбега он упал на обочину, прямо в пыль. Люди выбежали из домов. Окружили его. Двое мужчин склонились, помогая ему встать.

– Я видел его. Пропала моя душа, вот что я скажу вам, – плакал толстяк. – Крысиный король в погребке де Лузиньянов. Горе мне, несчастному.

– Матерь Божья! Крысиный король! Христиане! Последнее чудовище видели в тот год, когда в город пришли чума!

– Именно! Ее принес крысиный король по наущению местной колдуньи.

– Это доказательство. И такое. Которое отправит на костер и не такого сеньора, спаси нас господи!

– Вот именно, крысиный король. Я, понимаете, отправился за вином для графа, дай, думаю, загляну в тот угол, давно там крысиное гнездо хотел забить. Матерь божья, спаси мою душу... а там многоголовый, и пищит всеми головами. Гляньте, меня до сих пор в холод бросает.

– Сжечь весь замок с его колдовством.

Перепуганного работника повели в трактир и стали наперебой угощать вином, не забывая и самим отведать. Трактирщик не успевал подавать кувшины.

– А старик де Лузиньян обернулся вороном, лопни мои глаза.

– Клянусь телом господнем, эта девка, его внучка, волчицей по лесу рыщет, как мать ее, покойница. Я от страха даже

обделался, когда встретил ее в лесу.

– Помните историю, когда покойная графиня до смерти уморила старого мельника, когда перекидывалась лисицей.

– Не лисицей, дурень Конгар, а рыжей волчицей.

– Не рыжей волчицей, а черной кошкой.

– А бабка их все в дымоходы совой заглядывала, младенцев высматривала.

– Верное доказательство христиане, теперь у нас верное доказательство.

– Зачем нужно доказывать, что колдун – это колдун. Колдуна нужно жечь.

Все обернулись на эти слова. Человек в черных рыцарских доспехах и с мечем на перевязи поднимался из-за стола в темном дальнем углу.

– Верьте мне, добрые католики. И вот вам подтверждение моей правоты, – человек рывком сорвал с головы шлем, к которому, вопреки обычаю того времени, были приделаны пластины, скрывающие лоб, нос и щеки необычного рыцаря.

Люди охнули разом. Вместо лица у рыцаря была тусклая маска из бледной безжизненной кожи с коричневыми пятнами.

– Это ожег?

– Нет, колдовство. Де Лузиньян брызнул в меня чистой водой из своего сосуда и вот что получилось.

– Сжечь колдуна, сжечь! В аббатство его на святой суд.

Старый граф и его внука, единственные представители когда-то многочисленного семейства де Лузиньянов, сидели в комнате. Внука, устроившись у ног деда на скамеечке, читала вслух книгу. Желтые древние страницы освещал колеблющийся огонь камина, пока не озарил все кровавым багровым пламенем.

– Ой, – вскрикнула девушка, захлопывая книгу, словно прочла в ней свою судьбу. – Дедушка!

И тут оба услышали шум под окнами.

Толпа черни собралась под башней.

– Сеньора де Лузиньяна на суд! – кричали простолюдины.

– На суд проклятого колдуна!

Черный рыцарь стоял в стороне с мрачно опущенными на лицо черными металлическими пластинами и только глаза его сверкали в узких прорезях. Этот волчий блеск говорил красноречивее всех слов.

И вот в бойнице появился старик граф.

– И кто же меня здесь хочет судить? – высокомерно спросил он. – Уж е мои ли холопы?

– Святая Церковь!

– Божий суд!

– Всевышний! И святая церковь, заступница христиан!

– Пусть дождется Страшного суда! – крикнул граф на это.

И толпа замерла от ужаса.

– Колдун! – тогда закричал черный рыцарь. – Ты еще смеешь богохульствовать? Сжечь его!

– На костер его! Он накликать беду на мой дом!

– И мой конь захромал, когда граф проезжал мимо.

– Мой последний ребенок помер, как только проклятый колдун посмотрел на него!

– Сжечь колдуна!

– На костер!

– Сжечь!

– С дьяволом сговаривается, да христианские души гробит!

– На костер его!

Поздно было поднимать разводной мост, да и не справиться с тяжелым рычагом старику. Чернь, разогретая вином и страхами, двинулась к воротам замка и высадила их. И не было уже слов, способных вразумить людей. Старый граф снял со стены меч и спустился вниз по лестнице.

И чернь утрашилась блеском благородного клинка. Но тут вперед вышел черный рыцарь и чуть приподнял металлические пластины, скрывающие лицо.

– Де Лузиньян, узнаешь ли ты свою смерть? – глухо проговорил он.

– Царица небесная. Кервер? – вскричал старик.

– Готовься!

Черный рыцарь поднял меч и бросился вперед. Старик отступал под натиском его ударов. Он оборонялся, пока не упал на камни, ослабев от ран. И тогда он воскликнул:

– Кервер, пощади невинную девочку... и тебе воздастся.

Она – твоя дочь!

– Лжешь колдун! – черный рыцарь в ярости вонзал меч в грудь поверженного врага.

– Я убит! – выдохнул тот, обмякая. – Всевышний, сжался над бедным дитем!

– О, дедушка, милый!

Юная де Лузиньян выбежала из своей комнаты, в окно которой наблюдала за боем. Плача, бедная девушка бросилась на грудь старика, поддерживая его своими слабыми руками. Старый граф посмотрел на нее с такой жалостью, словно это она умирала от ран на холодных камнях, хотел что-то сказать, но кровь пошла у него из горла, и старик мертвым упал на каменные ступени родного дома, а девушка забилась в рыдании на его теле.

Черный рыцарь молча отступил, вглядываясь в ту, которую называли его дочерью. Лицо ее было скрыто на груди убитого, роскошные золотые волосы, редкие на юге, окутывали спину, но фигура в простом платье была тонка и гибка, а чистый голос так походил на голос ее матери.

Даже простолюдины в толпе смягчились, глядя на горе юной девушки, но не их жены.

Появившись неожиданно, они с ругательствами накинулись на несчастную, безжалостно толкая ее и дергая. Они вспомнили тут и опившихся коров, и ожиревших телят, и исчезнувшую в колодце воду, и кур, переставших нестись. А когда старуха вспомнила своего несчастного сына, умершего

после того, как попробовал лекарство, данное ему покойной графиней, тут и мужчины зашумели.

Несчастливая девушка подняла к окружающим ее людям заплаканное лицо.

– Злодеи, – еле выговорила она. – Чем мы провинились перед вами? Тем, что я и покойная матушка, мы давали вам травы и мази для больных. А бедный дедушка дарил вам саженцы для сада и семена для посевов, учил обрабатывать землю и делать вино так, что вы разбогатели! Чем еще мы виноваты? Тем, что мой дядя Андре пропал в лесу, охотясь за волками, нападшими на ваш скот? Этим что ли?

– Она тоже ведьма и вся семья ее такая. Сейчас она при- зналась в этом.

Черный рыцарь вздрогнул и чуть отступил, беспокойно оглядываясь.

«Еще немного и всему конец, – взбудоражено крутилось в его мозгу. – В ней течет моя кровь... Это еще не известно... И в ней кровь де Лузиньянов. А она должна вылиться без остатка. Так я поклялся перед покровом Шатрской богоматери»

– На суд ее! На костер ее! – кричала чернь, хмелея от своей смелости.

– Сжечь ее! – закричал Черный рыцарь, поднимая кверху окровавленный меч и потрясая им.

Посреди площади стоял столб и его окружали вязанки

хвороста, оставляя лишь узкий проход. В небольших бочонках были принесены сюда сера и фосфор. Люди вокруг ждали, когда привезут ведьму.

– Ну да. Еще напоследок заколдовала добрейшего аббата Жака, когда тот молитвами хотел спасти ее. Бедняга, говорят, до сих пор не в себе.

– Ведьма! Проклятая дьяволица!

Чуть в стороне от черни стояли горожане побогаче.

– Эти де Лузиньяны выходцы из Тулузы, – говорили они друг другу. – Они настоящие альбигойцы. Доподлинно известно, что сын старого графа участвовал в убийстве графа Раймунда, и его сожгли, как еретика, когда он попал в плен.

Одетые в дорогие одежды, они держались независимо, показывая всем своим видом, что сама колдунья не интересуется их и при всем при том не могли отвести жадных взглядов от дороги.

Телега приближалась.

Вот ее колеса загрохотали по мостовой и пение монахов заглушило тихое перешептывание. Телега, скрипя и громыхая, въехала на площадь и мулы, впряженные в нее, равнодушно остановились.

Монахи продолжали петь. Под их псалмы на телеге поднялась во весь рост девушка, одетая в серую длинную рубашку с капюшоном за плечами. Золотые волосы ее выбивались из-под рубашки и падали на плечи и впавшие щеки. От каждого движения все новые кольца выбивались из-под грубой

серой ткани. Она сама никогда не считала себя колдуньей, но в наследие от матушки ей достался один необычный дар. Мысленным взором она могла путешествовать по дальним землям, видела там происходящие события и даже могла общаться с людьми, но не всеми, а кто мог ей откликнуться. Отец поддерживал в ней эти способности и даже пытался их увеличить, считая, что любой дар от Бога.

И сейчас девушка мысленно искала спасения. Она закрыла глаза и видела площадь, местечко, дороги. Но отзыва нигде не было. Пока она душой своей не почувствовала большое скопление людей, движущихся к ним. И там откликнулись. Слабо, коротко, на какой-то миг, все же откликнулись. Это была слабая надежда, почти никакой.

Девушка оглядела толпу, словно еще надеясь на спасение здесь, рядом. Но нет, лица окружавших ее людей дышали злобой и равнодушием. Лишь монахи сохраняли слащавый молитвенный вид. Девушка опустила голову и посмотрела вниз, присела и спрыгнула на камни мостовой. Ее взяли под руку, принуждая идти к столбу. Девушка повиновалась, не отрывая глаз от камней под ногами и придерживая руками подол рубашки, слишком длинной и широкой для нее.

В узкий проход между вязанками хвороста протиснулась только она и палач. Девушка послушно повернулась спиной к столбу, прислонилась к нему и терпеливо ждала, пока ее привязывали. Она даже не взглянула в небо в последний раз перед тем, как на ее лицо опустился капюшон. Осталось па-

лачу только затянуть удавку на шею приговоренной.

– Аббат Арль! Арль Тулонский! – закричала в это время толпа.

И гул ее, сначала совсем невнятный, стал пробиваться даже сквозь капюшон. Девушка услышала его, поняла. Но даже не шелохнулась, ожидая скорой смерти.

– Арль Тулонский! Суд Арля Тулонского!

Девушка напряглась. Все дальнейшее утонуло в сплошном гуле. Толпа двигалась, перемещалась и девушка слышала это перемещение сквозь завесу капюшона. Нервами, напряженными, как тетива, она чувствовала движение сотен ног, человеческих и лошадиных, и едва дышала.

– Да здравствует мессир Арль!

Богатая кавалькада из двадцать всадников: рыцарей и монахов, остановилась, не доезжая до центра площади. Епископ, худое, с резкими чертами лицо которого едва проглядывало из-под капюшона теплой накидки, спасавшей его от мороза в пути, сделал знак рукой. К нему подъехал самый молодой монах из рыцарского ордена тамплиеров, самый молодой и поэтому еще не огрубевший в походах и лишениях. Открытое лицо его было светлым и добродушным. Не смотря на все его усилия казаться суровым, он выглядел скорее печальным.

– Да, дядя, – любезно ответил он, придерживая благородного скакуна из аравийских земель.

– Узнай, дружок, что здесь происходит.

– Слушаюсь мессир.

Достойный служитель церкви и его свита остались ждать на месте. Пажи с двух сторон придерживали дорожного коня епископа, которому не стоялось на месте. Толпа черни понемногу притихла, глядя на грозный кортеж. Вскоре вернулся посланный рыцарь, племянник епископа. На этот раз лицо его было по настоящему мрачным, а голос прерывался.

– О, дядя, – воскликнул он. – В этом предместье жила колдунья и теперь ее собираются сжечь по приговору церковного суда. О, мессир, она такая хорошенькая и выглядит невинно.

– Дьявол часто жалуется своим слугам обликом ангела, но это лишь для того, чтобы было легче губить людские души, не забывая этого, дОуан, дитя мое.

И Арль Тулонский уже дал своим пажам знак трогаться. Но его имя, с новой силой выкрикиваемое толпой, заставило его остановиться.

– Суд! Суд! – кричала чернь. – Суд сира Арля!

Это был знаменитый суд. Преподобный аббат носил на шее распятие, которое начинало кровоточить при близости ведьмы или колдуна. И толпа жаждала увидеть это чудо.

– Суд мессира Арля!

– Ваше святейшество, – к епископу приблизился еще один всадник из его свиты. – Вам следует пойти навстречу желанию толпы. Для упрочнения славы божьей и могущества Папы...

– О, мессир! – рыцарь дОнуа склонился с седла и схватил повод его коня, натягивая его на себя так, что паж вынужден был поднять руку, чтобы не выпустить ремень. В глазах юноши была мольба.

Аббат рывком вырвал повод из его руки и повернул коня к площади. Простолюдины поспешно отступили перед ним.

Колдунья не шевелилась у своего столба. Ни звука не вылетело из-под глухого капюшона. Арль Тулонский, не спешиваясь, направил коня к ней, и простолюдины с готовностью растаскали с пути хворост. Палач выше поднял факел и застыл в ожидании. Колдунья даже не дышала у своего столба. И Арль Тулонский, как был верхом, приблизился к ней. Он чуть склонился. Услужливая рука сорвала с девушки капюшон, обнажая бледное лицо, и золотые волосы рассыпались по спине и плечам, скрывая мрачное одеяние. Девушка, словно очнувшись, подняла на епископа огромные синие глаза.

– Спасите, – лишь пролепетала она и уронила голову на грудь.

Аббат прикрыл глаза. Толпа притихла. Ни звука, ни слова не упало на площади. Даже птицы на ветвях и те смолкли в образовавшейся звенящей тишине. Замерли кони, не шуршала на ветках не опавшая листва.

Аббат внутренне расслабился, чувствуя жар, идущий от колдуньи. Всю ее окутывала словно дымка, и свечение ее аббат видел сквозь веки.

Медленно он снял с шеи цепи и стал опускать распятие склоняясь в седле.

– Суд!

– Суд Арля Тулонского!

– Божий суд!

Тяжелый золотой крест коснулся опущенной головы девушки, скользнул ниже по лбу. Горячее дыхание девушки обожгло руку священника, и губы ее тронули холодный металл.

Аббат резко вскинул руку с распятием. Показывая его черни. И девушка, понимая, что это ее судьба, тоже посмотрела на него, до предела повернув голову. Крест сиял под осенним солнцем чистым золотом.

– Она невинна.

– Невинна?

– А как же костер?

Толпа недоуменно замялась на месте.

– Невиновна! – громовым голосом закричал дОнуа, направляя коня в толпу и разгоняя простолюдинов. – Слышите вы все! Девушка невиновата!

Палач, удивленный, опустил факел к земле. У него было такое чувство, словно его обсчитали на рынке.

– Не виновата... Да видано ли дело...

– Все виноваты. А она – нет!

– Мэтр Гренобль, – проговорил епископ, поворачиваясь в седле. – Позаботьтесь о бедном дите. Я хочу, чтобы она

сопровождала нас до Фонтеля. Там я решу, чем ей помочь.

– Но мессир...

– Делайте, что я сказал.

Девушка де Лузиньян не виновата. Чернь тупо смотрела, как блестящая кавалькада покидает площадь, увозя с собой ту, которую так и не удалось сжечь. Черный рыцарь, стоявший все это время в тени, тихо удалился.

– Не виновна, – шептал он себе под нос, и шепот его приглушали металлические пластины, скрывающие его лицо. – Как бы не так! Вот старый прохвост.

– Не виновна, – ворчливо делился со своим соседом каждый на площади.

И его толстую шкуру никак не могли пробрать эти простые слова.

Отвязав вороного под стать доспехам коня, Черный рыцарь тяжело сел в седло, шепча: «Фонтелло... нужно ли... зачем...»

– Куда вы, сударь? – спросил его трактирщик.

– В Фонтелло! – крикнул рыцарь, даже не взглянув на того, кто спросил и, развернув коня, поскакал по пыльной дороге. И солнце лишь на миг осветило подвешенный к седлу щит с рисунком черной волчьей головы на белом поле и надпись девиза:

ora pro morte

молиться о смерти.

– Святая заступница, – перекрестился трактирщик, испуганный необычным видом рыцаря и изображением на щите. Латынь он не знал, но запомнил из проповедей священника лишь одно слово: morte.

Лето, вступив в свои права, искрилось и сверкало в радужном водопаде горного ручья, насквозь пронизанное солнечными лучами.

Ковер трав расстился по склону горной гряды, выше тянулся девственный лес, сверкая на солнце умытой листвой.

Ранним утром прошел дождь, и его капли еще блестели и переливались в травах и на листве, но небо было уже девственно чистым, без малейшего облачка и синь его резала глаза. В воздухе пахло влагой, травой и землей.

Птицы наперебой звенели в кустах и густых кронах, бабочки порхали над скромными полевыми цветами. Жёлтые, белые, голубые, они мелькали и медленно зависали над цветочными головками в поисках нектара.

Но вот из леса, хрустя валежником, осторожно вышел благородный олень, высоко держа увенчанную тяжелой короной из ветвистых рогов красивую голову. Он чутко прислушивался и принюхивался. И вот из леса вышла олениха, трепетная и робкая. Она настороженно поводила ушами, замерев у кромки леса и пугливо озираясь по сторонам большими карими очень выразительными глазами. Горделивый супруг ее

обернулся, шумно вздохнул и медленно склонился к земле, призывая нежную подругу последовать за собой. Трепеща всем телом медленно вышла олениха из пятнистой тени леса, утопая маленькими копытцами в мягкой зелени. Но не успела она коснуться губами обильного угощения, как олень, напряженно застыв, вытянул шею и, дрогнув всем телом, стукнул копытом о землю. И как не тих был удар, чуткая подруга встрепенулась и сорвалась с места, делая прыжок к спасительной тени деревьев. Олень подождал немного и скрылся из глаз, быстрый и стремительный.

Едва только животные исчезли среди стволов и кустарников, и перестали дрожать ветки, задетые ветвями, как со стороны гор послышались трубные рулады охотничьего рога, раздался переливчатый собачий лай и на поляну выскочила свора охотничьих псов, хрипящих и задыхающихся от бега и вольного ветра.

Почувяв следы оленей, псы напрягли сильные мускулистые тела с крепким костяком, вытянулись и разом издав скорее рев, чем лай, бросились в чащу, где скрылись животные.

Едва успели они достигнуть деревьев, как из лесных зарослей у подножья появились четыре всадника, сжимающие охотничьи арбалеты. Прекрасные лошади под ними, разгоряченные скачкой, хрипели и рвались вперед, звеня сбруей. Охотники сдерживали их, натянув поводья. Осадив лошадей посреди зеленого ковра трав на самой поляне, всадники стали напряженно вглядываться в заросший лесом склон, ка-

завшийся из дали одной зеленой массой.

Все они были молоды и красивы. Горячее солнце еще не размягчили ленью их юношеский упругие тела, и тень вечера не коснулась искрящихся задором глаз. Солнечное пламя едва только разгоралось в них и еще далеко было то время, когда последняя искра потухнет в потупленном взоре, оставив лишь муть скуки и пресыщения.

Молодые охотники были одеты в куртки из шерстяного сукна простого покроя, более темные штаны из той же материи. Ноги их были обуты в высокие сапоги для верховой езды, с привинченными изящными шпорами, но бока коней были без рубцов, что указывало на мастерство в верховой езде и без такого жёсткого подспоря.

На головах молодых охотников были маленькие шапочки с ниспадающими перьями, длинные густые волосы юношей доходили до плеч. Великолепные кони гарцевали под ними и рвались вскачь, но всадники сдержали их.

– Кажется собаки опять травят кого-то, – прислушиваясь к удаляющему лаю, сказал статный юноша с нежным овалом лица, обрамленного каштановыми волосами, слегка волнистыми на концах. Пристальный взгляд его синих глаз под черным изломом бровей светился азартом, щеки горели румянцем, алые губы приоткрылись, обнажая ровный ряд жемчужных зубов. Грудь юноши вздымалась от бурного дыхания.

Второй юноша, чуть старше первого, черноволосый, с гор-

дым профилем горца, поднес рог к губам, чтобы вернуть псов.

– Подожди, брат Уильям, – с мольбой в голосе попросил самый младший охотник, золотокудрый мальчик, лишь недавно начавший принимать участие в подобной забаве. – Не зови собак. Как чудесно нестись за ними сквозь ветви, перескакивать буреломы и чувствовать себя сродни самому ветру.

– И правда. Уильям, – присоединился к мальчику юноша с каштановыми волосами. – Томас прав. Давай продолжим забаву. Ну, последняя попытка, сегодня нам не везет с добычей.

– Нет, Энтони, – мягко ответил ему Уильям. – Отец не любит, когда мы опаздываем к завтраку.

– Мы не опоздаем, – с жаром возразил ему Энтони. – Скажи же ему, Георг.

– Нет, похлопывая по горячей шее своего скакуна, проговорил четвертый юноша, как две капли воды, похожий на Уильяма. – Милый Энтони, солнце уже поднялось над тем утесом, самое время возвращаться. Нам не нужна сегодня дичь, на кухне полно мяса, да и кони устали. Труби, Уильям.

И воздух разорвали оглушительные переливы охотничьего рога.

На этот призыв из чащи появились собаки, недовольно ворча, что их погоню прервали.

Они встали, прижимаясь к земле передними лапами и

упрямо не подходя к хозяевам.

– Сюда, Нерон. Сюда, Мидас, Астор, Гектор, – повелительно кричали охотники, так как псы на спешили приблизиться, раздираемые надвое охотничьим азартом и привычкой повиновения.

– Видишь, брат Уильям, даже наши собаки согласны со мной и желают продолжить травлю, – рассмеялся Энтони.

– Нерон, ко мне, – раздраженной, властно закричал Уильям и пегий пес с разорванным ухом и толстым рубцом на лбу, протяжно заскулил, опустил голову и, поджав хвост, приблизился, припадая на задние лапы.

У лошадиных копыт он остановился и, скуля, уткнулся в землю, выражая покорность. – Подлиза, – проворчал Уильям, легонько ткнув в согнутую спину пса рукояткой хлыста. – Но ты понял – и хорошо. Вперед, дружок, домой!

И собака, вмиг ожив, радостно взвизгнула и стрелой помчалась по полю. Остальные псы нагнали его. Охотники повернули коней и поскакали за ними, иногда руладами рогов подгоняя собак и веселя себя.

Вот впереди на срытом на половину холме показались острые, как пики, башни старинного замка. Глубокий ров с водой преграждал путь всем, кто захочет непрошенными явиться в это старинное обиталище грозных владетелей из рода де Бомонов, суровое и непоколебимое, как скала.

Молодые охотники, оказавшись перед рвом, призывно опустили мост, с лязганьем поднялась решетка, и охотники

въехали во двор замка, огороженный двойной грядой каменных стен.

Набежавшие слуги подхватили под узды горячих скакунов, псаря увели собак, и юноши пошли, перебрасываясь шутками и смеясь.

Они поднялись на невысокое каменное крыльцо и бегом пробежали через холл, спеша разойтись по своим комнатам для того, чтобы переодеться.

Энтони не успел скинуть легкий плащ «манто», как к нему в комнату быстро вошел парень, личный слуга мажордома лестерского графа, грум Денис.

– Приветствую вас, ваша милость, – слегка склонившись, начал молодой человек.

– Привет, дружище. Долго спите. Я посылал за вами, чтобы присоединились к нам на прогулке, но вас не нашли.

Денис ухмыльнулся.

– Я немного отлучился, – ответил он так, что даже непонимающему стала бы ясна причина отлучки.

– Тогда жалеть не о чем! – рассмеялся Энтони.

– Да, конечно. Ваша милость, вас просят прийти в зал, его светлость ждет вас.

– В зал? Что-то случилось?

– Не знаю. Только видел, что у его светлости гость, по виду – из-за моря.

– Меня одного зовут или с братьями?

– Мой господин приказал позвать вас одного.

– Э-э. Что-то мне идти расхотелось. Но боюсь рассердить дядю. Хорошо. Сейчас, поменяю котт и спущусь.

– Я так и передам.

Грум слегка поклонился и быстро вышел.

Энтони остался в одиночестве и крепко задумался, при этом быстро переодеваясь. Котт – так в те времена называлась верхняя туника без рукавов, надевалась на нижнюю – камизу, с длинными цельнокроеными рукавами. Их сверху подпоясывали поясом, с небольшим напуском. Котт, в которой молодые люди охотились, была короткая, выше колена. Новую, более нарядную и длинную, сшитую из шелка тунику, Энтони передел быстро и без помощи слуги. Все сыновья лорда, так же, как и молодые прислужники имели в замке статус «Children», то есть: ребят и воспитывались хозяином замка в одинаковой строгости. Все они боялись и очень уважали своего владельца и сюзерена.

Наверх Энтони поднялся как мог быстро и с некоторым трепетом из-за неизвестности. Дядя молодого человека, Роберт де Бомон де Бретей, четвертый граф Лестор, и наследственный главный стюард Англии сидел в кресле, недалеко от камина и о чем-то тихо разговаривал с гостем, полным мужчиной, одетым в дорожный, но очень нарядный костюм.

Старый гордый граф вел свой род от Роберта, графа де Мортена, сводного брата Вильгельма Завоевателя. Он твердой рукой правил графством, доставшимся ему в наследство и народ, который не считал себя даже англичанами, под-

чинялся ему, гордившемуся своими норманнскими корнями. Был он строг, тверд и храбр. Лоб его прорезали морщины длительный раздумий, впалые смуглые щеки пересекали шрамы от рубящих ударов, которые он скрывал в густой седоющей бороде. А тот, кто сидел рядом с ним, был полной его противоположностью. Пухлый и белокожий, холеный и изнеженный, сидел он в жестком кресле с высокой спинкой и мечтал о мягкой подушке.

– Познакомься, сын мой, Энтони, – начал старый владелец после того, как юноша вежливо поздоровался с гостем. – Это мэтр де Леруа. Сядь на табурет и слушай, что тебе скажу.

Юноша привык уже, что дядя его называл на французский манер, а кузены – по-английски. Он сел на низкий табурет, стоявший тут же, и дядя его продолжил:

– Я ждал и боялся этого дня, сын мой. И он пришел, – Роберт де Бомон протянул руку, взял с низкого столика лежавшее письмо с разломанной печатью и протянул юноше.

– Прочти, дитя мое.

Юноша принял письмо, развернул и начал читать, вспомнив все уроки своего учителя.

«Уважаемый дорогой мой сын, Антоний. Я нахожусь в преддверии вечности по причине горестей и болезни, причиненных мне гонениями и гибелью вашего батюшки, а моего любезного и почитаемого супруга доблестного герцога Симона де Монфора. Клянусь перед Богом, перед судом которого я уже стою наполовину, и душой моей, готовой рас-

статься с телом, что вы, мой сын, являетесь единственным и неоспоримым наследником вашего достославного батюшки, всего его владения и имущества. Вашего отца и господина сгубило предательство и алчность нашего сюзерена. Того, кто позорно носит на голове славный венец потомков достойнейшего короля Гуго Капета, но не является ни доблестным, ни славным продолжателем сего рода. Этот бесчестный повелитель обманом и хитрыми посулами заманил моего Симона на войну, обещая отдать весь юг, который не объехать и за неделю верхом, а отдал только жалкую Тулузу, Безье и Каркассон, разрушенные его рыцарями и непомерными поборами и контрибуцией. А когда ваш славный отец, а мой благословенный супруг возмутился и потребовал продолжить битву, его все покинули, бросили: и церковь, и государь. И мой дражайший супруг погиб, оставшись один и без поддержки. Погиб не от меча в открытом бою, а от гнусного яда, выпив из кубка, поднесенного ему подданными из сокровищницы виконства Альби. Все верные рыцари вашего батюшки были заколоты или отравлены в их домах, а он сам умер в долгих мучениях, жестоко отравленный, когда он пил вино во славу Христа и его десяти заповедей. И я, несчастнейшая из жен, не была даже при последнем вздохе моего дорогого супруга, хотя и находилась рядом от него. Я произвела на свет вас, дражайшее мое дитя, и придя в божий мир вы так горько рыдали, словно знали уже о вашем несчастном сиротстве. Вам сейчас не исполнилось и десяти дней, а я то-

же ухожу от вас. Одна моя надежда на добросердечие моего брата Роберта де Бретёя, которые поклялся беречь и охранять вас на пальце святого Иеронима, полученным мной в наследство от дорогой моей матушки, Петрониллы де Гренмесниль, да хранит ее господь. Я умираю, любя вас, дитя мое и с благодарностью к дорогому Роберту. Так же прощаю всех недругов и гонителей ради спасения своей души, а не по какой-то другой причине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.